

- ⁶ Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г., Полунин Ю. А., Тимофеев И. Н. Опыт классификации стран // Полис. 2006. № 5. С. 23.
- ⁷ Ашихмина Я. Г. Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии // Политэкс. 2007. № 2. С. 245–253. URL: <http://www.politex.info/content/view/341/30/> (дата обращения: 26.02.2013).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Анупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология :

- учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 2000. С. 80.
- ¹¹ Наглядным примером могут служить выборы в Сирии, проведенные в апреле 2016 г. на подконтрольной правительству Б. Асада территории, которые заранее были объявлены западноевропейскими странами нелегитимными.
- ¹² См.: Главный юрист ФБК вслед за Яшиным отказался от участия в праймериз Демкоалиции из-за Касьянова. URL: <http://www.newsru.com/russia/13apr2016/jdanov.html> (дата обращения: 14.04.2016).
- ¹³ Там же.

УДК 338

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА ПОЧВЕ «ЕДИНОГО ИНТЕРЕСА»: СТРУКТУРА И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье представлен генезис в условиях современной либеральной демократии политических конфликтов по поводу базовых социально-политических ценностей, исследованы их динамические и сущностные свойства.

Ключевые слова: политический конфликт, социально-политические ценности, политический интерес.

**Political Conflict Based on «Common Interest»:
the Structure and Logic of Development**

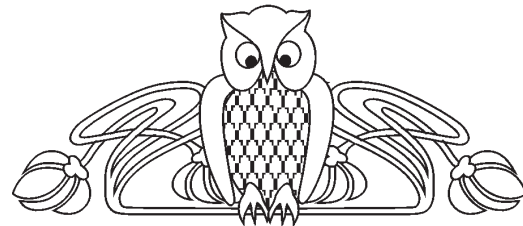
N. I. Shestov

The article presents the genesis in a modern liberal democracy of political conflicts over basic socialpolitical values; their dynamic and essential properties are researched.

Key words: political conflict, social political values, political interest.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-314-318

Современная политическая наука, отечественная и зарубежная, относительно неплохо представляет себе природу конфликтов внутри больших социально-политических систем, когда их предметом являются различные интересы разных субъектов политики. Когда, например, одна сторона конфликта стремится властвовать, а другая этого властвования не желает, когда одна сторона выступает с неким идеологическим проектом настоящего и будущего, а другая считает такой проект абсурдным и опасным и взамен предлагает собственный проект. Для характеристики таких конфликтных ситуаций, когда предметом конфликта выступают разные для разных элитарных и общественных групп стратегии и тактики политического развития, разные подходы к использованию для этих це-

лей общественных и государственных ресурсов, политическая наука обычно использует категории «идеологический интерес», «классовый/сословный интерес», «этнический/религиозный интерес», «государственный/национальный интерес». Использование данных категорий подразумевает, что тот или иной участник конфликта обладает политической субъектностью. Что он выступает полноценной стороной конфликта именно в силу способности осознать и публично сформулировать свою собственную, вполне рациональную (и уже в силу этого вполне отличную от интересов других субъектов политики) заявку такого «интереса». Что он способен наделять политическую реальность собственным смыслом и отстаивать именно этот смысл.

В современном мире вместе с тем активизировались и конфликтные ситуации другого рода. Те, в которых предметом конфликта являются не разные, а вполне сходные представления конфликтующих субъектов политики о целях и смысле последней, об оптимальных средствах, которыми эти цели могут быть достигнуты. В современной политике, например, широко представлены конфликты, в основе которых лежит стремление всех конфликтующих сторон реализовать демократические принципы социального общежития и взаимодействия общества с государством, внедрить в политическую жизнь демократические и либеральные институты, отстаивать «общечеловеческие» ценности, такие как «справедливость», «свобода», «человеческое достоинство», «порядок». Это имеет место в государствах Северной Африки, на Балканах, в некоторых частях постсоветского пространства и даже, как показали массовые протесты по поводу миграционной политики руководства Евросоюза и попыток проведения реформы трудовых отношений во Франции весной 2016 г., в

развитых европейских странах. Сегодня в мире у такой программы придания политике «современного цивилизованного» облика трудно найти открытых противников. Конфликты разворачиваются между «сторонниками» и «сторонниками» либерально-демократической политики. Их предметом становятся одни и те же, в сущности, ее ценности и институты, одни и те же смыслы политической жизни, которые в них воплощены. Конфликтующие стороны борются не за выбор между, например, «свободой» и «угнетением», «тиранией» и «человеческим достоинством», «демократией» и «авторитаризмом», «гражданскими правами» и «сословными привилегиями». Они фактически борются за лидерство в продвижении в жизнь одной и той же программы оптимизации политики. Причем такой сдвиг в логике политических конфликтов происходит как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе.

Природа этого сдвига объяснима: у современной «цивилизованной» политики действительно не осталось других позитивных смыслов и целей, кроме тех, которые некогда, лет двести-триста тому назад, были сформулированы в рамках либерально-демократической доктрины. Все, что могло составить реальную позитивную конкуренцию либеральной парадигме современного политического процесса, в первую очередь советская демократия и «некапиталистический» путь развития некоторых стран «третьего мира», средствами «холодной войны» в течение XX в. было дискредитировано и вытеснено на периферию мировой политики. Иные политические смыслы и цели, в качестве заявки на которые сегодня можно рассматривать, например, идею «всемирного халифата», имеют выраженный негативный смысл. Негативный в смысле радикально-традиционалистских ценностных основ существования человечества, которые предлагают такие проекты, и в смысле представления о политическом, правовом и культурном будущем современных стран и народов, как «кальке» с их более-менее отдаленного прошлого.

Можно возражать либо соглашаться с аргументами, к которым в своих размышлениях о том, «закончилась» ли для мира либеральной демократии «история» или нет, присутствует ли в нынешнем мировом «политическом порядке» тенденция к упадку или нет, прибегает американский политолог Ф. Фукуяма. Оценки, высказанные американским профессором, в целом являются отражением некоей эйфории, на рубеже веков постигшей массовое сознание обществ и элит в странах развитой либеральной демократии: «Кто теперь против нас? Да никто!». Эйфория от ощущения, что весь спектр традиционных угроз справа и слева существованию либерально-демократических систем сократился до не критичного уровня. А те угрозы, которые еще остались, могут быть нейтрализованы в обо-

зримой перспективе более последовательным и настойчивым приведением реальной политики (как в мировом масштабе, в формате совместной борьбы либеральных демократий с «тираническими» политическими режимами, так и в масштабе внутренней политики) в соответствии с требованиями либеральной доктрины. «Во многих частях мира сегодня – со всем либеральным оптимизмом настаивает американский профессор, – (например, в России и в Китае), а также в истории Запада главной проблемой политического развития можно считать укрепление механизма ограничения сильного государства»¹. Это наглядный симптом того, что эйфория от «реальности» надежды обустроить весь мировой «монастырь» по своему «уставу» имеет устойчивый характер.

Миграционный кризис, охвативший Старый Свет, заметное «поправление» европейского электората, скорее всего, будут работать на понижение таких эйфорических настроений, будут усиливать общий критический настрой в обществе по отношению к либеральным институтам и их практикам. Но сам по себе такой критический настрой не решает проблемы появления иных, не либеральных и в то же время не традиционалистско-экстремистских проектов будущей организации жизни современных обществ и государств. Можно даже предположить, что ответом на такую критику со стороны либерально-демократических систем будет не принципиальный пересмотр основ либерально-демократической политики, а лишь еще большая активизация стратегии и тактики, посредством которых на протяжении всего XX столетия, и вплоть до настоящего времени, либеральная демократия доказывала и доказывает всему цивилизованному миру свою исключительную, в сравнении с другими правыми и левыми политическими проектами, жизнеспособность и перспективность. Это стратегия и тактика количественного роста институтов и практик либеральной демократии в современном мире, умножения числа социально-политических систем, которые переходят (добровольно, в режиме «цветных революций», либо принудительно, в режиме «защиты прав и свобод граждан от тирании» войсками НАТО) к существованию в режиме пресловутого «демократического транзита». Симптомы того, что выбор сегодня совершается именно в пользу активизации этих стратегий и тактики оправдания преимуществ либеральной демократии за счет количественного прироста сфер ее влияния, сегодня многочисленны и продолжают множиться по всему миру.

А активизация таких стратегий и тактики объективно создает и более широкое пространство возможностей для конфликтов (внутри общественно-политических систем и межгосударственных) на почве стремления обществ и их политических элит продемонстрировать свою

приверженность принципам, ценностям и институтам либерально-демократической политики. Приверженность более высокую в сравнении с другими участниками политического процесса в отдельно взятой стране или в мире. Иначе говоря, складывающаяся ситуация создает условия если не для доминирования в обозримой перспективе, то для существенного роста значимости в политическом процессе конфликтов на почве «общего интереса».

Не только эти внешние условия (общее состояние и направленность политического процесса в мире) благоприятствуют распространению в пространстве современной политики конфликтов такого рода. Они расширяют сферу своего влияния в сравнении с конфликтами на почве «разных интересов» во многом потому, что они труднее поддаются урегулированию. Политика, особенно демократическая, постоянно порождает конфликты самого разного свойства. Уровень конфликтности политики определяется, в сущности, не общим числом конфликтных ситуаций, возникших на определенном отрезке политических пространства и времени, а способностью политических субъектов выдерживать некий безопасный для существования социально-политической системы баланс между вновь возникающими конфликтами и конфликтами разрешенными. Конфликт на почве «единого интереса», скорее, не регулируется, а консервируется. Он изначально, о чем можно судить по опыту многочисленных «цветных революций» и «весен», обретает состояние, оптимальное для применения в нем его участниками разного рода манипулятивных технологий, для поиска его участниками не столько компромиссных решений, сколько поводов к осуществлению взаимных провокаций и диверсий. Такой конфликт обладает своего рода качеством невыводимости из политического процесса без участия «третьей силы», которая и решает такой конфликт извне пространства его развития, и решает его, насколько можно судить опять же по опыту упомянутых революций и протестных движений, с применением «мягкой» либо «жесткой» силы.

Невыводимость данных конфликтов из политического процесса без помощи «третьей силы» обусловлена спецификой самого предмета конфликта. Предметом, как правило, являются те ценности государственного и гражданского общежития, которые, по логике вещей, имеют своим назначением спланировать и организовывать социально-политическую систему, направлять политический процесс в русло общественно-элитарного консенсуса. Речь идет, в сущности, о формулах и смыслах, которые составляют ядро социально-политической мифологии любого современного цивилизованного политического сообщества. Не обязательно только либерально-демократического. Это, например, устойчивые и наследуемые социальными структурами из поко-

ления в поколение представления о «справедливости/несправедливости», «свободе/тирании», «достоинстве/униженности человека», «счастливым/бедственным будущем», о «верности/предательстве традиций», об «угрозе интересам / защите интересов народа/государства». Это ядро политической культуры, тот центр всей системы политических отношений и связей, без которого (если представить, сугубо гипотетически, возможность, что сами стороны конфликта, без вмешательства «третьей силы», договорились урегулировать конфликт взаимным отказом от политической эксплуатации этих ценностей) социально-политическая система просто перестает быть системой и распадается. Социально-политическая система, внутри которой в силу внутренних причин либо вследствие внешних воздействий возник конфликт субъектов политики на почве «единого интереса», оказывается перед выбором. Либо гасить конфликт ценой отказа от базовых основ своего существования, выбирать не органичную прежнему опыту своего существования линию развития, имея в виду вероятный риск распада, фактически, приносить себя в жертву конфликту. Либо ждать вмешательства в конфликт «третьей силы», которая использует свой вес и влияние на конфликтующие стороны для того, чтобы установить для развития конфликта свои правила, чтобы, образно выражаясь, все стороны конфликта были «равны». Но была бы при этом волей «третьей силы» назначена одна сторона, которая других «равнее» в понимании и использовании в политике базовых ценностей существования данной социально-политической системы.

Такая технология, если речь идет о конфликте в пространстве отдельного государства, ставит под вопрос суверенный характер и саму позитивную перспективу политического процесса в таком государстве. Эта логика развития конфликта имеет отношение и к ситуациям конфликта между разными социально-политическими системами в современной мировой политике, в которой роль «третьей силы», назначающей тех, кто «равнее» других, играют «великие» державы. И это становится почвой для распространения конфликта на почве «единого интереса» уже на сферу геополитики. Конфликты такого рода заключают в себе вызов системности политического процесса, его традиционному суверенному формату, а потому характеризуются особой остротой течения (вплоть до революций и гражданских войн) и тяжестью последствий для социально-политической системы (вплоть до ее распада и даже гибели).

Нередко они пересекаются в политическом процессе с конфликтами на почве различных классовых, сословных и корыстных интересов социальных и элитарных групп и оказываются как бы второй, оборотной стороной политического конфликта на почве «разных интересов»,

в частности, по поводу политической власти и ее ресурсов. В истории массовых политических конфликтов (примером в данном случае является история революции и Гражданской войны в России в начале прошлого столетия, а также история социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве) можно наблюдать устойчивую тенденцию. Конфликты эти, начавшиеся со стороны элиты, обычно за передел власти и собственности, а со стороны социума – за «справедливость» и «свободу», часто приобретали непредсказуемый, неуправляемый и даже губительный для их организаторов характер в определенный момент, а именно тогда, когда происходило смыкание двух конфликтных дискурсов. Когда дискурс конфликта на почве «единого интереса» явочным порядком замещал собой дискурс конфликта на почве «разных интересов». Это замещение имеет место тогда, когда в сознании общества и элиты проявляется сходная готовность оперировать в конфликте вместо понятий «власть», «собственность», «право», понятиями, например, «свобода», «справедливость», «порядок», «безопасность». Когда общим для всех сторон конфликта становится представление о сути конфликта: каковы бы ни были его первоначальные причины (пусть даже они были совершенно далекими от интересов социального большинства), теперь его смысл для всех его участников в равной мере определяется необходимостью «восстановить справедливость», «спасти свободу», «покарать врагов народа/государства».

В этом случае синтеза двух вариантов конфликта происходит не только максимальная мобилизация общественных и государственных ресурсов для нужд конфликта, и он захватывает социально-политическую систему на всю глубину отношений субъектов политики. Происходит определенное смещение акцентов в самой мифологической мотивации конфликта, если говорить о его механике. С базового смысла ценностей, заложенного в социальной мифологии данного общества, акцент переносится на те тонкие нюансы этого смысла, на основании которых теперь уже в общем ряду приверженцев этих смыслов можно выделять «потенциально своих» и «потенциально чужих» и тем самым не снижать, а даже повышать динамику конфликта. В духе слов известной советской песни: «Есть у революции начало, нет у революции конца!». Появляется возможность при помощи поиска или создания новых смысловых нюансов расширять либо сужать сферу распространения конфликта, регулировать его напряженность, тем самым усиливая инструментальные свойства конфликта.

Есть и стратегический смысл в таком переводе конфликта с почвы «разных интересов» на почву «общего интереса», почему, собственно, такой перевод и можно довольно часто наблюдать. Можно наделять свойством «врага» не толь-

ко тех, кто принципиально против «свободы» и «справедливости», но и тех, кто принципиально не против, но интерпретирует эти ценности иначе. При таком переформатировании конфликта у разных групп его участников появляется возможность конструировать «враждебность» и наделять этим качеством союзников по конфликту, которые впоследствии могут стать конкурентами при распределении плодов победы в конфликте. Либо, напротив, в случае неудачи могут отказаться от союзнических обязательств. Появляется возможность посредством манипуляций с нюансами мифологических смыслов социально-политических ценностей уже на подходе к ожидаемой в конфликте победе и неизбежному последующему дроблению ее практических плодов на доли между «своими» (в виде вознаграждения властью и собственностью за участие в конфликте) минимизировать число таких долей. Тем самым сделать результат конфликта более аккумулированным в качестве ресурса для решения последующих политических задач.

К линиям, которые прежде разделяли принципиальных противников, теперь добавляются линии, разделяющие бывших единомышленников. В мотивации конфликта факты, свидетельствующие о враждебности политической позиции, замещаются подозрениями, что позиция бывшего соратника по конфликту может быть враждебной ровно в той мере, в какой для его творческого сознания отсутствуют препятствия к созданию собственных тонкостей интерпретации базовых социально-политических ценностей. Новую линию конфликта в этом случае образует борьба за «единственно правильное» понимания смысла социально-мифологической ценности, а также по поводу «единственно верного» способа этот смысл отстоять в конфликте и реализовать в последующей политической практике. Очень показательны в плане таких опасений и возникающей из них взаимной враждебности отношения руководителей Великой Французской революции. Показателен и опыт внутрипартийной борьбы в первые десятилетия существования Советской России.

Участниками конфликта движет искреннее и генетически укорененное в свойствах мифологического стиля мышления нормальных людей представление, что «истинный» смысл у ценности может быть только один, а именно тот, который в данный момент политического процесса доступен их пониманию и соответствует их видению политического момента, ожиданиям политической победы и фобиям. Потому тот, кто создал любую другую, отличную от данной, интерпретацию ценности, а уж тем более ее популяризирует в пространстве конфликта, покушается не больше и не меньше, как на «истину». Он враг уже потому, что рождает в рядах союзников по конфликту сомнение, что «истина» одна, и тем провоцирует в их рядах идейную демобилиза-

цию. Ответная реакция мифологического сознания выражается в стремлении участников конфликта предотвратить разобщение своих рядов, а, значит, предотвратить как таковую любую попытку поиска новых нюансов смысла социально-политических ценностей вообще, поскольку каждый новый смысловой нюанс чреват и новыми рисками для мобилизационных практик и конечных задач конфликта. Парадокс, но переход конфликта в режим борьбы за «единый интерес» влечет за собой прекращение мифотворческой работы массового сознания, работы над усовершенствованием смысла социально-политических ценностей. Это создает условия для идеологического закрепления какого-то одного смысла. Именно конфликт на почве «единого интереса» приводит к изменению статуса социально-политической ценности: из элемента мифосознания она превращается в элемент идеологического сознания. По этой причине поиски «свободы», «справедливости», «безопасности», например, в

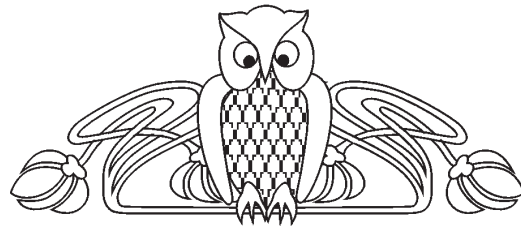
режиме совмещения конфликтов на почве «разных интересов» с конфликтом на почве «единого интереса» часто имеют следствием еще большую «несвободу» в сфере интеллектуальных поисков, еще большую «несправедливость» в практике социальных и социально-элитарных отношений и меньшую (труднее обеспечиваемую в условиях взаимных подозрений в намерении покуситься на «истину») «безопасность» для политических субъектов, чем тогда, когда все они были союзниками по одному лагерю в конфликте на почве «разных» политических интересов.

Примечания

- ¹ Фукуяма Ф. Политический порядок и политический упадок. 8 сентября 2014 // Россия в глобальной политике. URL: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Politicheskii-poryadok-i-politicheskii-upadok-16952> (дата обращения: 24.05.2016).

УДК 323.1; 327.39

АНТИКОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

М. Е. Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: maximus.popov@gmail.com

Статья посвящена исследованию основных теоретических подходов и концептуальных моделей социокультурной интеграции как способа конструктивного разрешения конфликтов идентичностей. Автор акцентирует внимание на исследовании антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции к деэскалации этнической напряженности на Северном Кавказе. Рассматриваются системные факторы этнорегиональных конфликтов и подчеркивается дестабилизирующая роль политизации этничности. В качестве структурных условий роста этнической напряженности и ее перерастания в деструктивные конфликты идентичностей выступают социальные неравенства, экономическая поляризация, противоречия между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, региональные конфликты, этнические конфликты, конфликты идентичностей, этническая напряженность, политизация этничности, разрешение конфликтов, Северный Кавказ.

Anti-conflict Potential of Sociocultural Integration: Ethno-Regional Specifics and Main Theoretical Approaches

М. Е. Попов

The paper is devoted to research of theoretical approaches to analysis of sociocultural integration as a tool for resolving regional

conflicts. Author focuses on the ability of sociocultural integration to transformation of destructive identity-based conflicts. The author considers the systemic factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Among the structural conditions of the escalation of regional conflicts, the author calls: social inequalities, economic polarization, contradiction between the system modernization and social disintegration.

Key words: sociocultural integration, regional conflicts, ethnic conflicts, identity-based conflicts, ethnic tensions, politicization of ethnicity, conflict resolution, North Caucasus.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-318-322

Проблема исследования социокультурной интеграции как инструмента урегулирования региональных конфликтов связана с решением следующих задач: 1) системный анализ взаимосвязи и взаимозависимости интеграции, идентичности, конфликта; 2) выявление структурных факторов эскалации этнической напряженности в Северокавказском регионе; 3) концептуализация социокультурной интеграции в качестве инструмента конструктивного разрешения этнических противоречий на Северном Кавказе.

В современной России социокультурная интеграция характеризуется тенденцией к увеличению этнических контактов, размывающих культурные границы. Системная стабильность и безопасность полиэтнических регионов зави-